

ОГЛАВЛЕНИЕ

Introductio.....	5
Предисловие	5
Божественное чудовище.....	11
Человек и божественные чудовища	25
Путь «орла».....	76
Чудской след	85
Верхом на чудовище.....	115
«Рептилоиды»: рождение мифа	131
За кулисами мифа: спецслужбы, масоны, инопланетяне.....	152
«Рептилоиды» против динозавроидов, или занимательная теозоология Ланца фон Либенфельса	197
Заключение	221
Приложение: А. Комогорцев. «Зеркало для мессии» (рецензия на фильм «Матрица», 2000).....	230
Примечания.....	235

Посвящается
Ю. Н. Стефанову (1939–2001)

Для России, как для государства-цивилизации, представляется жизненно необходимым обратиться к мифу как цивилизационному коду.

*Софья Резвушкина,
Миф как цивилизационный код:
вызовы и потребности¹*

Цивилизационный код нуждается в квалифицированном прочтении — образы прошлого с течением времени становятся все дальше, а смысловых контекстов становится все больше.

*Котляров И.
Цивилизационное кодирование как механизм
формирования инновационного пространства
в глобализованном обществе
(социологический дискурс)²*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя работа Алексея Комогорцева представляет из себя оригинальный и местами неожиданный сплав разнообразных тем, которые, однако, объединены общей идеей. Главная идея книги заключается в том, что древнейший культурный код «божественного чудовища» включен в культурный код русской цивилизации, но при этом он остается скрытым для восприятия большинства наших людей.

В данной книге автор подробно, с приведением фактических деталей (зачастую малоизвестных) пытается отследить путь образа/кода «божественного чудовища» на протяжении тысячелетий и сквозь историю разных народов и культур. Конкретный акцент в книге поставлен на теме, которую мы называем «Фактор Змея».

Особое внимание в работе уделено сакральному смыслу государственной символики Российской Федерации, образам как двуглавого орла, так и Георгия Победоносца. В отечественной историографии имеется достаточно много работ по этой тематике. Но Алексей Комогорцев после анализа многочисленных исторических фактов приходит к оригинальному выводу: «Российский государственный герб представляет собой уникальный сплав сакральных образов и смыслов, берущих свое начало в скифской и шумеро-аккадской традициях, инкорпорированных в культуру Древней Руси, в том числе благодаря диффузным контактам русского населения с носителями чудской культуры (включая преемствующие *чуди* в религиозно-метафизическом плане сибирские народы) на разных исторических этапах». В принципе, древнейшие истоки российского двуглавого орла отмечали ранее и другие исследователи. Но никто подробно не рассматривал вопрос о вкладе народа чуди в формирование русского народа и русской культуры. В книге этой теме посвящена отдельная обширная глава.

Еще один важный вывод, сделанный автором, заключается в том, что сам изначальный образ двуглавой птицы, как посредника между мирами (подземный, земной, небесный), до сегодняшнего дня не утратил своей функциональности, т. е. этот символ по-прежнему выполняет свою сакральную роль в современной цивилизации.

Красной нитью через всю книгу проходит генеральная идея: «Миф и тесно связанные с ним символы не только определяют картину мира и систему целеполагания для отдельного индивида и всего социума, находящегося в сфере его влияния, но и являются важнейшим элементом контроля за обществом, регулирующим человеческое развитие в целом».

Главы книги, посвященные критике концепций Д. Айка, спецслужбам и масонским организациям, позволяют более адекватно воспринимать существующую сегодня в мире ситуацию и даже увидеть перспективы ее дальнейшего развития.

Одно из главных достоинств данной работы заключается в том, что автор вводит в оборот огромный объем информации, практически совершенно не знакомой подавляющему большинству наших читателей. Более того, совершенно, казалось бы, несовместимые темы, например, НЛО, мифология

догонов и чудский ящер, Алексей Комогорцев логично увязывает друг с другом, демонстрируя, что их несовместимость совершенно иллюзорна. Все затронутые в работе темы так или иначе переплетаются на разных уровнях их изучения и восприятия.

Книга насыщена иллюстративным материалом, большая часть которого также не знакома широкой читательской аудитории. И из-за значительного объема новой информации и сложности исследуемой проблематики книга Алексея Комогорцева требует внимательного и вдумчивого прочтения.

*Андрей Жуков
канд. ист. наук*

INTRODUCTION

В книге «Код чуди: исчезнувшая цивилизация Русского Севера»³ мы пришли к выводу, что фигура *примордиального* (от *лат.* *primordialis* — первоначальный, изначальный) «змея», или «чудовища»⁴ является одним из универсальных образов, представленных в религиозно-мифологических традициях большинства народов нашей планеты. Доктор филологических наук, профессор Т. Цивьян констатирует, что именно «змей — основообразующий персонаж в модели мира»⁵. Иными словами, образ *примордиального* чудовища и комплекс связанных с ним мифологических представлений относится к древнейшим культурным кодам, запечатленным в ядре большинства традиционных культур. Наиболее ярким примером, наглядно иллюстрирующим столь смелое, на первый взгляд, утверждение, служит современный Китай.

Аспирант Института Дальнего Востока РАН, сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии В. Ступникова отмечает, что за последние 3–4 десятилетия китайскими исследователями было издано гигантское количество работ, посвященных образу дракона: «Для большинства китайских исследователей происхождение образа дракона означает выявление истоков формирования и особенностей самого китайского этноса, а также осознание его единства. В некоторой степени, китайский дракон — это образ-воспоминание, длящееся мифотворчество, “концепт коллективной идентичности”. <...> Воспроизводство древней символики, в частности, символа дракона, насыщение символами культурной сферы, единство их понимания зачастую имеет своей целью объединение людей. Фразы типа “восемь тысячелетняя культура китайского дракона”, “Китай — родина дракона”, “мы — дети дракона” — все это использование древнего символа дракона в качестве инструмента формирования национального сознания»⁶.

Сегодня дракон является общепризнанным символом китайской нации, а сами китайцы отождествляют себя с «потомками (детьми) дракона»⁷. Третий по значимости религиозный и одновременно государственный праздник после китайского Нового года (Праздник весны или Праздник урожая) и Праздника чистого света (также День чистых могил — день поминовения предков) — т. н. Праздник драконьих лодок. По мнению Китаевода Н. Вавилова, этот праздник, «который очень мощно распространен в Южном Китае и Центральном Китае, в бассейне реки Янцзы **является по факту культом дракона, но, т. к. в Китае все завуалировано, соответственно его называют Праздником драконьих лодок** (здесь и далее — *выделено авт.*)»⁸.

Еще одним наглядным примером целенаправленного использования культурного кода дракона в целях государственного строительства служит современный Вьетнам, где в процессе социализации детей для формирования основ национальной идентичности широко используются такие традиционные мифические персонажи, как «король-дракон», «мать-фея», позиционируемые как буквальные предки нации. На всех уровнях государственной системы образования вьетнамских детей учат помнить о «прекрасном происхождении нации», к которой они принадлежат, гордиться этим и проявлять солидарность со всеми народами Вьетнама, т. к. все народы страны, согласно официальной трактовке «древних преданий», имеют общих предков и рассматриваются как «дети дракона и феи». Кандидат исторических наук, доцент департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в СПб В. Григорьева пишет: «Выбранная стратегия

социализации представляется успешной: через почитание мифических предков у юных вьетнамцев формируется общая эмоциональная связь с легендарным периодом национальной истории, возникает чувство внутригрупповой солидарности, и в результате происходит сложение основ национальной идентичности»⁹.

В христианской традиции образ положительного *примордиального* чудовища (наряду с антагонистичным и одновременно *соприродным* ему образом Эдемского змия: «дракон, змий древний» (Откр. 12:9; 20:2)) дошел до нашего времени в несколько завуалированной форме. В частности, в христианской традиции лидирующие позиции в небесной «табели о рангах» занимают шестикрылые дракономорфные *серафимы* — высший ангельский чин, отличающийся наибольшей степенью близости к Богу. Слово «серафим» происходит от древнееврейского *Šārāf* (мн. ч. — *šərafim*) в значении: «пылающий», «огненный»; «змей», «летающий змей» или «летающий дракон»¹⁰. Характерно, что на одном из старейших изображений западноевропейского дракона из средневекового манускрипта XIII в. представлено именно шестикрылое чудовище. Во избежание разночтений средневековый художник подчеркнул окрасил каждую пару из трех близкорасположенных крыльев в разные цвета: красный, зеленый и светло-коричневый.

Вместе с тем образ *примордиального* чудовища не утратил своего сакрального статуса (а следовательно, и соответствующего влияния) и в современной светской культуре. Здесь нужно пояснить, что в реальной жизни оппозиция «светское — сакральное» далеко не так однозначна, как это может показаться на первый взгляд: «Часть символики светской культуры в определенной степени не только сакральна, но и, благодаря ее имманентной обращенности к трансцендентному, — религиозна. <...> Сакральность некоторых символов светской культуры не вызывает сомнений. Похороны, свадьба, рождение ребенка, принятие воинской присяги — события, безусловно, сакральные. <...> ...светская культура в явной или имплицитной форме содержит смыслы, которые очень близки по своему существу смыслам религиозным. Они, замещая трансцендентные смыслы религии, продолжают реализовывать заложенные в них императивы или воспроизводить их формальную сторону, оказывая влияние на организацию жизни общества и человека, служа в некоторых случаях совершенно иным, порой антирелигиозным целям. Очень часто они встречают отношение, близкое к религиозному благоговению, что свидетельствует об их укорененности не только в сфере рационального постижения, но и в области не вполне осознаваемых приложений веры. Поэтому тем, кто видит в религиозных символах не более чем манифестацию невежества, иллюзорности в восприятии мира, иносказательное выражение примет материального бытия, стоит внимательно присмотреться к символам, которыми они окружают себя в своей светской жизни, точнее, посмотреть на то, что прячется за ними. И тогда, может быть, открыть для себя отблеск вечного и абсолютного»¹¹.

В этой связи уместно привести заключение кандидата философских наук Н. Мониной, согласно которому именно «**символ является средством реализации ценностей и смыслов культуры**», которая, по мнению литературоведа, культуролога и семиотика, доктора филологических наук Ю. Лотмана (1922–1993), представляет собой определенную совокупность текстов и «унаследованных символов, пришедших из глубины веков»¹².

Затрагивая довольно тонкий и слабоизученный вопрос о влиянии символа и символического на человеческую культуру, мы выходим на представление о так называемых культурных архетипах.

«Старейшее узнаваемое изображение полностью современного западного дракона».

Манускрипт MS Harley 3244, ок. 1236–1250 гг.¹³

Монина дает следующее определение: «Культурные архетипы — это архаические культурные первообразы, представления — символы о человеке, его месте в мире и обществе; нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, “проросшие” через многовековые пласты истории и культурных трансформаций и сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры. **Культурный архетип имеет символическую природу и обнаруживается в области смысловых, ценностных ориентаций. Это позволяет истолковать и типизировать их через постижение области символического.** В Большом толковом словаре по культурологии Б. И. Кононенко подчеркивается также, что “культурные архетипы — это глубинные культурные установки “коллективного бессознательного”, с величайшим трудом поддающиеся изменению”. Автор также отмечает, что **характерными чертами культурных архетипов являются устойчивость и неосознанность.** Они проявляются во всех сферах жизнедеятельности людей, но наиболее ярко — в повседневной жизни. При этом, как отмечал Юнг, **когда представляется ситуация, которая соответствует данному архетипу, архетип активизируется и развивается**

принудительность, которая подобно силе инстинкта пронизывает себе дорогу вопреки разуму и воле. “Архетипическая матрица”, формирующая деятельность фантазии и творческого мышления, лежит у истоков повторяющихся мотивов человеческих мифов, сказок, нравов и обычаев, “вечных” тем и образов мировой культуры»¹⁴.

В контексте нашего исследования особенно важно заключение, согласно которому **«культурные архетипы определяют не только развитие прошлого и настоящего, но и конструируют будущее культуры»**¹⁵. Специалист по методологии гуманитарных исследований, доктор филологических наук, профессор И. Есаулов делает важное уточнение, что в данном случае под архетипами понимается не «коллективное бессознательное», а «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения. Эти типы мышления, в основе которых находится именно культурное бессознательное, не являясь, на наш взгляд, исключительной принадлежностью индивидуального сознания, но **формируются в недрах глубинных сакральных структур»**¹⁶.

Наиболее высоким сакральным статусом и влиятельностью в пространстве светской культуры обладает государственная символика. Именно на этом уровне происходит во многом неочевидное и сложно отслеживаемое, но от того не менее значимое влияние образа чудовища. Это влияние маркируется самыми высокими символическими позициями, занятыми им (хотя бы и в завуалированной форме двуглавого орла) в государственно-политической символике ряда современных стран (Албания, Армения, Сербия, Черногория), включая государственный герб современной Российской Федерации.

В этой связи возникает два закономерных вопроса. Первый — по какой причине мы относим двуглавого орла к категории *примордиальных* чудовищ. Второй вопрос — носил ли процесс двухтактной легитимизации двуглавого орла в российской государственной символике (Российская империя — Российская Федерация) сугубо случайный характер. Или же он связан с некими закономерностями, имеющими фундаментальные предпосылки во внутреннем ядре метафизической матрицы¹⁷ русской цивилизации (выражаясь более принятым академическим языком — в системе русских культурных кодов). Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны разобраться с некоторыми мифами, сопровождающими указанный образ и проливающими свет на его исходное содержание.

БОЖЕСТВЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя.

Книга Чисел (21:8)

В Федеральном конституционном законе «О Государственном гербе Российской Федерации» закреплено следующее положение: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и — над ними — одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла — скипетр, в левой — держава. На груди орла, в красном щите, — серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона»¹⁸.

Образ двуглавого орла встречается в различных традиционных культурах: от каменных барельефов династии Хань в Сюйчжоу (206 до н. э. — 220 н. э.) и изображений на памятниках Хеттского царства (ок. 1800–1180 до н. э.) до индуистской (ведической) мифологии (двухголовая птица *Гандаберунда*, обладающая огромными *магическими* силами).

Государственный герб Российской Федерации

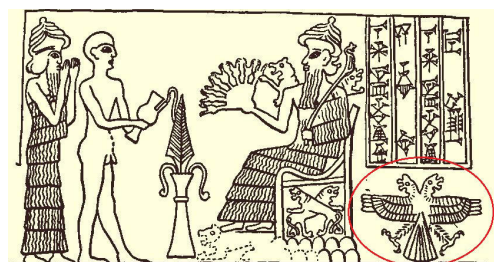
Двуглавый орел на хеттских «Воротах сфинкса», Аладжа-Хююк, XIV в. до н. э.

Барельеф Гандаберунды на крыше храма Рамешвара в Келади, Южная Индия

Двуглавый орел из собрания Музея каменного искусства династии Хань, Китай

Нингирсу — шумерское божество, хозяин города Лагаша, тождественный сыну бога Энлиля Нинурте, покровителю земледелия, богу обороны города Ниппура. Реконструкция шумерской цилиндрической печати, конец III тыс. до н. э.¹⁹

Герой или божество, борющееся с двумя крылатыми драконами. Оттиск цилиндрической печати

Однако, наиболее древние известные на сегодняшний день геральдические изображения двуглавого орла вместе с исчерпывающе поясняющими этот сюжет мифами (!) известны только в шумеро-аккадской традиции.

Древнейшие иконографические прототипы традиционного образа двуглавого орла представлены на месопотамских цилиндрических печатях, где он изображен в виде двуглавого (по всей видимости, хищного) пернатого ящера или дракона. Длинные, массивные шеи чудовища венчаются небольшими головами, снабженными подчеркнуто вытянутыми пастьми с многочисленными острыми клыками.

Двуглавый пернатый ящер, справа от него антропоморфная фигура, стоящая на драконе с чешуйчатой шкурой. Оттиск цилиндрической печати из Алалах. Ассирийский колониальный период, ок. 1900–1800 гг. до н. э.²⁰

Судя по расположенному рядом изображению человеческих фигур, размеры чудовища сопоставимы с размерами человека и в целом соответствуют размерам одноглавых пернатых «драконов», в изобилии представленных на других месопотамских печатях.

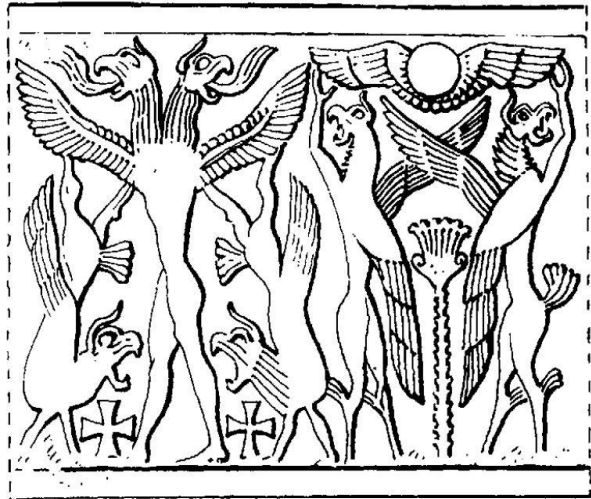
Впоследствии образ двуглавого пернатого ящера постепенно трансформируется в образ «птицы» с львиными головами или грифоноподобного чудовища. На печати ассирийского царя Эриба-Адада I (1393–1365 гг. до н. э.) — правителя города Ашшура — представлено двуглавое существо, которое держит за задние лапы двух похожих на него, но одноглавых существ. Справа от него, на соседней сцене присутствуют два аналогичных одноглавых существа, поддерживающих солнечный диск. Между ними изображено, предположительно, древо жизни.

В XIV веке до н. э. на месопотамских печатях появляется, наконец, хорошо известное по современной российской государственной геральдике каноническое изображение двуглавого орла.

В шумеро-аккадской мифологии феномен двуглавости связывается с образом *Анзу* (шумер. Im-dugud «тяжелая туча», аккадск. Анзу «буря-ветер», прежнее чтение: Зу, Имдугуд, Им-Дугуд) — чудовищной дракономорфной «птицей» божественного происхождения, в большинстве случаев изображавшейся в виде огромного орла с львиной головой, опирающегося на двух огромных львов (в другой интерпретации «терзающего» двух львов).

Анзу выступала в качестве посредника между земной и небесной сферами, т. е. между богами и людьми, совмещая одновременно злое и благое начало²². Именно *Анзу* боги поручают выполнить приговор о «всемирном потопе»: «Анзу когтями разрывает небо — порядок в стране расколот, будто кувшин»²³.

Изображение *Анзу* считается одним из наиболее популярных в шумерской геральдике — она являлась центральной фигурой на древнем шумерском знамени, на печати и каменной булаве правителя.

Оттиск печати Эриба-Адада I. XIV в. до н. э.²¹

Оттиск гематитовой цилиндрической печати с двуглавым орлом в верхнем регистре, ок. XIV в. до н. э. Метрополитен-музей. Нью-Йорк²⁴

Анзу (Имдугуд) в виде «леонтоцефального орла». Вотивный рельеф, алебастр. Лагаш, 2550–2500 гг. до н. э. Лувр, Париж

Навершие булавы (диаметр 11,7 см) с изображением Имдугуд — орла с головой льва. Раскопки в г. Телло (Южный Ирак). Британский музей, Лондон

Российский востоковед-шумеролог, профессор кафедры семитологии и гебраистики СПбГУ В. Емельянов пишет, что в большинстве контекстов Анзу — «птица» восточных гор, не живущая на территории Месопотамии («В горах Шаршар [...], на коленях у Ануннаков [...], Анзу родился»²⁵).

В эпосе «Лугальбанда и птица Анзу» уделено особое внимание ее гнездам и птенцам. Похожее описание гнезда Анзу также есть в эпической песни «Гильгамеш, Энкиду и Подземный мир». Вплоть до начала старовавилонского периода (XX–XVI вв. до н. э.) Анзу воспринималась в позитивном ключе²⁶: она олицетворяла силу власти правителя или бога, а ее образ использовали как эмблему и как царский штандарт (особенно в Лагаше). В эпических песнях урукского цикла Анзу являлась отпрыском бога Энлиля и определяла судьбы. В этом контексте Анзу упомянута в тексте «Нанше и птицы»: «Имдугуд с Ануннаками судьбы определяет». В шумерское время Анзу (Имдугуд) олицетворяла судьбу и покровительствовала царской власти²⁷.

В эпосе «Лугальбанда и птица Анзу» после рождения Анзу бог Энлиль (аккад. Элليلь букв. «Владыка-ветер» — верховный бог шумерского пантеона, в шумеро-аккадской мифологии бог ветра, воздуха, земли и бурь) назначает ее стеречь вход в горы «как если бы они были огромной дверью»²⁸.

Любопытная деталь — один из героев этого эпоса Лугальбанда (шумер. «Младший (или юный) царь» — полулегендарный правитель древнешумерского города Урука, правивший в XXVII в. до н. э.) за то, что он накормил птенца Анзу, получает в награду от «птицы» сверхъестественный дар перемещения на огромные расстояния с невероятной скоростью: «двигаясь, как Уту, как Инанна, как семь бурь Ишкура»²⁹. С той же самой скоростью движется и сама «птица» Анзу: «В поднебесье Анзуд несется. Бежит по земле Лугальбанда, **не уступая в скорости птице**»³⁰.

Здесь нужно обратить внимание на важные транскультурные связи, которые позволяют выявить этот, казалось бы, незначительный на первый взгляд эпизод. Способность к *сверхбыстрому* передвижению относится к одному из важных качеств, приписываемых *примордиальным* чудовищам в самых разных традиционных религиозно-мифологических культурах.

Историк, литературовед и собиратель фольклора А. Афанасьев (1826–1871) пишет: «Лужичане верят, что мифический змей несется по небу с такою быстротою, что глаз не успевает за ним следовать»³¹. Кандидат филологических наук Е. Борисова отмечает, что в русской народной мифологии *сверхподвижные* и *сверхзамедленные* состояния являются важным атрибутом представителей низшей демонологии, имеющих непосредственный контакт с людьми и **инициирующих у человека состояние сверхактивности или заторможенности**. Эти мифологические персонажи действуют настолько быстро, что момент совершения действия ненаблюдаем для окружающих³².

В древнекитайской мифологической традиции феномен *сверхподвижности* связан с образом дракона *чэнхуана*, на котором один из главных культурных героев «сын неба» (титлом императоров это стало значительно позже) Хуан-ди поднимался к Солнцу. Огромная скорость дракона влияла на ход времени, предотвращая старение его «наездника»: «в один день покрывает мириады верст; севший на него человек достигает возраста двух тысяч лет»³³. В наибольшей степени шумеро-аккадской «птице» Анзу соответствует древнекитайский дракон *Таоте* (пиньинь. tāotie; букв. «обжора» или «пожиратель»), ответственный за установление связи между людьми и небесами³⁴. В этимологии его имени содержится прямое указание на способность *сверхбыстрого* преодоления огромных расстояний (букв. — *пожирания* пространства). По своим основным функциям/качествам (посредничество между богами и людьми, знание будущего) *Таоте* представляет собой практически полный аналог шумеро-аккадской «птицы» Анзу.

Бронзовый жертвенный треножник Дин с орнаментом, изображающим дракона Таоте — наиболее известная форма ритуальной утвари в Китае, использовавшаяся для жертвоприношений (в т. ч. человеческих) духам предков и стихий, считавшаяся символом императорской власти. Династия Шан, XII–XI вв. до н. э.³⁵

Практика, связанная с управлением *сверхподвижными* состояниями, позволяющая мгновенно перемещаться на большие расстояния, известна в раввинистической традиции как *кфицат дерех* (букв. «перепрыгивание пути», «стяжение (скачок, прыжок) земли (пути)»). Не меньшей известностью в исламской мистической традиции пользуется аналогичная практика *Тей аль-Ард* (букв. «складывание земли», «пересечение земли без перемещения», «перемещение земли, перемещаемой под ногами»). Это понятие хорошо известно сунитам, шиитам и суфиям, хотя каждое из перечисленных направлений толкует его по-своему. Считается, что столь необычным способом транспортировки также владеют джинны, хотя и в весьма ограниченном объеме. Некоторые суфии именуют эту практику *Теам ал-макан* (букв. «сворачивание пространства»), а один из крупнейших специалистов по исламскому мистицизму А. Шиммель (1922–2003) называет ее «качеством *тайй ал-макан*, свободы от пространственных ограничений» или «вездесущностью», о которой часто повествуется в исламской агиографической литературе³⁶. Шиммель констатирует, что святые в исламской мистической традиции обладают способностью внезапно исчезать из поля зрения других людей, становиться совершенно невидимыми или присутствовать одновременно в разных местах³⁷.

В древнеиндийской (ведической) традиции похожие по своему содержанию техники *прапти*, *mano-djava* и *вихайяса* относятся к числу сверхспособностей или *сиддх*. Американский математик, доктор Р. Томпсон (1947–2008), на протяжении многих лет занимавшийся проблемой синтеза ведического и научного подходов, подчеркивает, что *сиддхи* являются «естественными силами, подчиняющимися законам природы», т. е. «и *сиддхи*, и известные физические законы — это природные свойства, которые в ведической философии рассматриваются как проявления божественной силы»³⁸.

В ветхозаветной традиции шумеро-аккадской «птице» *Анзу* соответствует грифоподобная горная «птица» *Зиз* (*Ziz*), способная взмахом своих крыльев затмить солнце. В основном информация о *Зиз* содержится в раввинистической литературе, но, согласно исследованию доцента кафедры Библии и кафедры еврейской истории Еврейского университета Иерусалима Н. Вазаны³⁹, она упоминается в ивритском оригинале двух псалмов (Пс. 49:11; 79:14 в православной нумерации; 50:11, 80:13 в западной нумерации). Упоминания о *Зиз* отсутствуют в русском Синодальном переводе и в большинстве других переводов на европейские языки.

Псалом 49:11: «Знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною».
Псалом 79:14: «Лесной вепрь подрывает ее, и полевой зверь объедает ее».

А вот те же самые стихи, но без перевода слов «животные» и «полевой зверь».

Псалом 49:11: «I know all the birds of the mountains and **Ziz šāday** is mine».
Псалом 79:14: «The boar from the forest ravages it, and **Ziz šāday** feeds on it»

Т. е. вместо животных в тексте на самом деле говорится о горной «птице» *Зиз*. Исследователи отмечают, что образ «чудовищной птицы *Зиз*, принадлежавшей (согласно тексту) самому Яхве (!), во многом повторяет шумеро-аккадскую птицу *Зу/Анзу*, которая была подвластна Энлилю и являлась охранником его жилища — Экура (Дом-Гора)⁴⁰. От себя добавим, что, скорее всего, именно «птица» *Зиз/Анзу* упоминается в Книге пророка Исаии, там, где Яхве говорит, что использует «орла» в качестве своего вестового и порученца: «Я воззвал орла от востока, из дальней страны, исполнителя определения Моего» (Ис. 46:11).

В еврейских агглических текстах о *Зиз* говорится следующим образом: «Как Левиафан — царь рыб, так и *Зиз* назначен править птицами. Его имя происходит от разнообразия вкусов его плоти; [...]. *Зиз* столь же чудовищен по размеру, как и сам Левиафан. Его лодыжки упираются в землю, а голова тянется к самому небу»; «Однажды случилось так, что путешественники на судне заметили птицу. Когда птица стояла в воде, та просто покрывала ее ноги,

Изображение птицы *Зиз* (вверху) вместе с Бегемотом и Левиафаном. Ambrosiana Bible, Ульм, 1238

а голова упиралась о небо. Наблюдатели решили, что в этой точке вода не может иметь глубины, и приготовились там искупаться. Небесный голос предупредил их: «Не выходите сюда! Однажды на этом месте у плотника выскользнул из его руки топор, и ему потребовалось семь лет, чтобы достичь дна». Птица, которую увидели путешественники, была не кем иным, как *зизом*. Его крылья настолько огромны, что, развернувшись, затеняют солнце. Они защищают землю от южных штормов; без их помощи земля не смогла бы противостоять дующим оттуда ветрам»; «У *Зиза* есть другое имя, Ренанин, потому что он небесный певец. Из-за его связи с небесными областями его также называют Секви, провидцем, и, кроме того, он назван «сыном гнезда», потому что его птенцы не вылупляются из яиц птицы-матери; они как бы вырываются прямо из гнезда. Подобно Левиафану, *Зиз* — это деликатес, который нужно подавать благочестивым в конце времен, чтобы компенсировать их былые лишения. [...] Творение пятого дня, животный мир, правит небесными сферами. Узрите *Зиза*, который своими крыльями может затмить солнце»⁴¹.

Английский священник и востоковед Х. Придо (1648–1724) обращает внимание на особую «мудрость», даруемую *Зиз* непосредственно Господом: «Ибо в трактате Бава Батра вавилонского Талмуда у нас есть история о такой чудовищной птице по имени *Зиз*, которая, стоя ногами на земле, достигает Небес своей головой, и с распростертыми крыльями затеняет весь диск Солнца. И халдейский парафраз об Иове также повествует о нем и его пении каждое утро перед Господом и о том, что Бог дает ему мудрость для этой цели»⁴².

Аномальная двуглавость шумеро-аккадской «птицы» *Анзу* связывается исследователями с сюжетом похищения ею «Таблиц (таблицы) судеб» (аккадск. *тупшимату*), даровавших своему владельцу неограниченную власть над богами и людьми. Согласно аккадским представлениям, «Таблицы судеб» являлись важнейшим атрибутом власти богов, определяли движение мира и мировых событий, а обладание ими обеспечивало мировое господство или подтверждало его. Иными словами, «Таблицы судеб» давали богам силу и власть, поскольку по прописанным там «сценариям» шел ход истории.

С «Таблицами судеб» тесно связано шумерское представление о ме (предположительно, в значении — «сущности», «сути») — могущественных божественных и таинственных силах, управляющих миром, а также всеми божественными и земными институтами. Также считалось, что существуют

отдельные «Таблицы судеб» подземного мира, содержащие установления, которые нельзя было изменить и которым должны были подчиняться все его обитатели⁴³.

Изображение шумеро-аккадского верховного бога Мардука с двуглавой «птицей» Анзу. Оттиск цилиндрической печати, обнаруженной во время раскопок в Фивах, Египет. Предположительно, касситско-вавилонский период (XIV в. до н. э.)⁴⁴

Профессор Емельянов пишет по этому поводу: «В новоассирийском пояснительном тексте “Таблица судеб” определяется как *rikis Enliluti* — “принцип верховной власти”⁴⁵. По мнению Дж. Кастеллино, “Таблицу судеб” нельзя воспринимать отдельно от *те* — божественных потенций мира, и в шумерском мироощущении они соотносятся как содержание мирового порядка (*те*) и его форма (таблица)⁴⁶. <...> Завладев “Таблицей судеб”, божество одновременно получало власть и над всеми решениями богов, и над МЕ, и над царским престолом»⁴⁷.

Ко всему изложенному необходимо добавить, что в аккадском эпосе «Нинурта и Анзу» «Таблица судеб» связывается с «оракулами всех богов»:

«Заберу-ка я божью Таблицу судеб
И оракулы всех богов себе присвою,
Трон захвачу, обрядами завладею,
Всеми Игигами буду я верховодить!»⁴⁸.

Примечательная деталь — согласно вавилонскому космогоническому мифу «Энума элиш» (ок. XII в. до н. э.) первым владельцем «Таблиц судьбы» была чудовищная Тиамат — олицетворение первобытного океана-хаоса соленых вод, предположительно, изображавшаяся в виде дракона или гидры с семью головами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru